

АПОСТЕРИОРНАЯ ДЕРИВАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Ю.В. Кобенко

В статье рассматривается явление апостериорной деривации, более известно как псевдозаимствование, в системе немецкого литературного языка в синхронной и диахронной перспективах; обосновывается необходимость холистического (интра-экстралингвистического) подхода к описанию апостериорных дериватов, позволяющего учитывать их историко-социолингвистические и системно-функциональные параметры; даётся краткое описание гетерогенных сегментов класса псевдозаимствований в словарном составе указанного языка.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: псевдозаимствование, апостериорная деривация, современный немецкий литературный язык, словообразование, экзогlossная языковая ситуация, экстралингвистический детерминизм, словарный сегмент

КОБЕНКО Юрий Викторович – доктор филологических наук, профессор, профессор отделения иностранных языков Национального исследовательского Томского политехнического университета.
serpentis@list.ru

Цитирование: Кобенко Ю.В. Апостериорная деривация в современном немецком литературном языке [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2021, № 1. – С. 80–90.
Режим доступа: www.tverlingua.ru

APOSTERIORIC DERIVATION IN CONTEMPORARY LITERARY GERMAN

Yuriy V. Kobenko

The article discusses the phenomenon of aposterioric derivation, more commonly known as pseudo-borrowing, in the system of German literary language through synchronous and diachronous perspectives; the necessity of a holistic (intra-extralinguistic) approach to the description of posterior derivatives is

substantiated, which allows taking into account their historical, sociolinguistic and system-functional parameters; a brief description of the heterogeneous segments of the pseudo-borrowing class in the vocabulary of the specified language is given.

KEY WORDS: pseudo-borrowing, aposterioric derivation, contemporary literary German, word formation, exoglossic language situation, extralinguistic determinism, vocabulary segment

KOBENKO Yuriy V. – DSc in Philology, Professor, Professor of the Division for Foreign Languages of the National Research Tomsk Polytechnic University. serpentis@list.ru

Citation: Kobenko Yu.V. Aposterioric derivation in contemporary literary German [Electronic resource] // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. – 2021, № 1. – P. 80–90. Access mode: www.tverlingua.ru

Язык жив, пока может производить новые слова. В ряде литературных языков словопроизводство связано с заимствованием, ярким примером чему выступает немецкий литературный язык. Совмещение фактур заимствования и словообразования весьма характерно для его исторического развития, проходившего в условиях подражания статусно более престижным языкам (латинскому, французскому, английскому), в следствии чего все заимствования проходят в его системе обязательную стадию неологизмов. Д. Герберг, изучающий неологизмы 90-х в немецком языке, обозначает выделенный субстрат «англонеологизмами» (*Angloneologismen*), 20% которых образованы на основе ранее заимствованного англоязычного материала (Herberg, 2002: 196). Такое словопроизводство получило в лингвистике обозначение «псевдозаимствование» и, по-видимому, является универсальным признаком всех литературных языков, обнаруживающих тенденцию к гибридизации словарных составов. Базовым отличительным свойством псевдозаимствований выступает нарушение принципа

обратимости, т.е. синхронное отсутствие в языке-доноре слова-прототипа, по крайней мере, в его словарном значении.

Синхронный подход к такому определению псевдозаимствований является общепринятым и доступным, однако мало способствует пониманию природы указанного явления. Действительно, некоторые псевдозаимствования становились впоследствии «бывшими» в силу того, что в языке-доноре появлялись такие слова, пусть и с некоторым опозданием. Классическими примерами выступают галлицизм «*die Parfümerie*», образованный в эпоху безудержного подражания всему французскому, известную как *Alamodezeit*, в немецком, а позже и в самом французском языке (Кобенко, Меремкулова, 2018: 89), и англицизм «*das Handy*», заимствованный из немецкого в американский вариант английского языка в значении «сотовый телефон» и синхронно регистрируемый ведущими словарными изданиями как автохтонное образование (Urban Dictionary).

Однако действительно ли лишают приведённые случаи указанные единицы в самом языке-реципиенте статуса псевдозаимствований? Ключом к пониманию природы рассматриваемого феномена является познание, что полученные единицы *не заимствуются, а образуются* в системе языка-реципиента на основе ранее заимствованного лексического материала языка-донора или нескольких языков-доноров (Кобенко, 2016: 33). Следовательно, генез так называемых псевдозаимствований закреплён без остатка за словообразованием. Важнейшим условием такого словопроизводства в экстралингвистической плоскости выступает наличие экзогlossной языковой ситуации, при которой влияние языка-донора на язык-реципиент настолько велико, что производство новых слов в системе последнего осуществляется преимущественно за счёт средств престижного языка (импортированного металекта). Если влияние продолжается достаточно долгое время, а его интенсивность только нарастает, то уместно говорить о языковой инвазии, следствием которой будет образование новых слов и значений на основе заимствованного иноязычного материала.

В истории немецкого литературного языка до сегодняшнего момента можно выделить две значительные инвазии, обусловившие появление псевдозаимствованных единиц: упомянутая выше эпоха *Alamodezeit*, пришедшаяся на XVII–XVIII вв., и период американизации, начавшийся в 1945 году и продолжающийся по сей день. Результатом данных влияний стали два наиболее крупных сегмента в классе псевдозаимствований словарного состава современного немецкого литературного языка: псевдогаллицизмы, насчитывающие 94 лексические единицы (Кобенко, Меремкулова, 2018: 46, 88), и псевдоанглицизмы общим количеством 57 единиц. Остальные псевдозаимствования количественно уступают даже псевдоанглицизмам (34; 18.37%) и представлены пятью гетерогенными сегментами, выделяемыми на основе этимологического критерия: псевдогельветизмами (4), псевдоитальянизмами (9), псевдолатинизмами (14), псевдогрецизмами (2) и псевдославизмами (5).

Совокупно в лексической системе указанного языка зафиксировано 185 псевдозаимствований, образующим самостоятельный лексический класс. Его удельный вес в словарном составе современного немецкого литературного языка при номинальной оценке последнего в полмиллиона лексических единиц (*Duden Universalwörterbuch*) даёт показатель в 0,037%, сравнимый со статистической погрешностью, однако не умаляющий популярность феномена псевдозаимствования как с точки зрения развития системы указанного языка, так и в плоскости лингвистических исследований. Практика изучения псевдозаимствованных единиц, к сожалению, пестрит прецедентами рассмотрения их исключительно в типологическом ключе, как явления, равнозначного самому заимствованию и сопутствующим явлениям без учёта его экстралингвистического детерминизма. Интересным представляется неологический подход, закрепляющий генез псевдозаимствований за феноменами неологизации системы языка как способа обновления системы. Выгодным, хотя и не исчерпывающим ракурсом неологии видится её дочернее ответвление неография,

позволяющая интерпретировать класс псевдозаимствований в аспектах нормы и ортологии и способствующая решению ряда задач корпусного, лексикографического и отчасти лингводидактического характера (ср. Добровольский, 2013: 36; Нефёдова, 2013: 122).

Наиболее удачным, с нашей точки зрения, следует признать, однако, холистический (интра-экстралингвистический) подход к описанию исследуемых единиц, преимущество которого заключается в учёте комплексных параметров их производства: особенностей историко-культурной среды, морфологического (лексического) материала, предыдущих волн заимствования и т.п. К примеру, образование наиболее крупного сегмента псевдогалицизмов было бы невозможно без предварительной латинизации (макаронизации) словарного состава немецкого языка, начавшейся ещё в долитературный период. Ресурсными возможностями своей современной системы литературного образца данный язык обязан гетерогенным пластам лексики, заимствованным из престижных языков с более высокой коммуникативной мощностью и создающим новые возможности для словопроизводства. Большинство лексических единиц, содержащих интернациональные морфемы (*Disponibilität, Theatralik, Quäntchen*) получены благодаря напластованию и агрегации полезных (продуктивных) словообразовательных механизмов, происходящих из разных языковых систем. Как можно видеть, отмечаемый у псевдозаимствований экстралингвистический детерминизм направлен исключительно на решение задач словопроизводства, которое должно отвечать критериям компактности, коммуникативной пригодности, экономности, ёмкости и т.д. В этой связи более уместными и терминологически оправданными представляются обозначения «апостериорная деривация» и «апостериорные дериваты» соответственно, изымающие псевдозаимствования у инвентаризационной типологии и представляющие их как самостоятельный класс продуктов гибридного словообразования с особой историей.

Возвращаясь к поставленному ранее вопросу об историческом статусе апостериорных дериватов, следует отметить, что факт первичности их образования в системе языка-реципиента мог стать решающим и даже показательным для последующих прецедентов создания собственных или похожих лексических единиц в системе языка-донора. В условиях интенсивного заимствования система принимающего языка наводнена множеством новых ресурсов, значительно расширяющих её возможности словопроизводства и способных опередить систему языка-донора в вопросах создания новых выразительных средств. Таким образом, в возникшей экзогlossной ситуации образуется своего рода двойная система языка – внутренняя (донора) и внешняя (реципиента), – а значит, производство новых слов выходит на количественно и качественно новый уровень. Безусловно, вопрос первенства в контексте порождения новых лексических единиц второстепенен, однако не должен подменять или умалять факта образования апостериорного деривата в системе принимающего языка. Следовательно, псевдозаимствование сохраняет свой исторический статус применительно к системе отдельно взятого языка, каким в нашем случае является немецкий. Собственно, иного и не дано в силу того, что описание коэволюции систем контактирующих языков, так или иначе, привязано к истории конкретного языка, в эволюционной канве которого данные преобразования и рассматриваются. Конечно, это можно рассматривать и как недостаток исторического языкознания или как пожелание будущим поколениям германистов, однако в контактной лингвистике вопросы неэквивалентного смешения языков и создания гибридных ресурсов (и идиомов) имеют решающее значение.

Несмотря на значительный экспланаторный потенциал холистического подхода, апостериорная деривация по-прежнему не до конца отделена от смежных явлений ассимиляции (германизации), гибридизации и деэтимологизации. Синхронно в системе немецкого языка существует ряд единиц, которые не могут быть без остатка отнесены на счёт какого-то

одного из этих явлений, ср. неоднородное образование множественного числа существительных мужского рода с суффиксом *-us*, заимствованных из латинского и других языков романской ветви, или конверсию как способ ассимиляции или апостериорной деривации заимствованных галльских колоронимов (Кобенко, Меремкулова, 2018: 54). Приведённые примеры ещё лишь ожидают теоретико-методологических пояснений, которые заодно позволят и уточнить содержание понятия апостериорной деривации.

Синхронно бытующий в составе немецкого литературного языка словарный класс апостериорных дериватов генетически неоднороден и состоит, как отмечалось выше из семи этимологических сегментов. Если псевдогалльский и псевдоанглийский, единодушно признаваемые германистами наиболее крупными (ср. Нефёдова, 2018: 118), являются отпечатками продолжительных инвазий, то остальные сегменты представляются скорее симптомами наличия устойчивых зон языковых контактов, ведущих к гибридизации ресурсов немецкого литературного языка. В корпус не включены онимные единицы, образующие обособленный объект исследования. Несмотря на гетерогенность сегментов и то обстоятельство, что каждый (псевдо)заимствованный пласт образует свою собственную тематическую группу сообразно с социальными тенденциями определённой историко-культурной среды, предметно-понятийная отнесённость единиц обследуемого класса даёт достаточно цельную картину оноματοлогической иерархии: наиболее частыми тематическими группами выступают обозначения одежды и тканей, технических устройств, шоу-бизнеса и термины из области финансов; менее частотны реалии гастрономии, искусства, телевидения, здорового образа жизни, музыки, косметики и компьютерных технологий; реже всего встречаются единицы с оноματοлогическими пометами «политика», «образование», «медицина», «этикет»; зафиксирована единственная помета «цирк» в псевдогельветском сегменте, тематически граничащая с областью гастрономии (*Leckerli*, Pl.).

Как и обычные заимствования, псевдозаимствования, оправдывая своё традиционное обозначение, состоят на 78,37% из имён существительных с преобладающим классом *Maskulina* (72; 38,91%); наименьшим является грамматический класс междометий с двумя лексическими единицами (1,08%) в сегменте псевдославизмов (*tschüssikowski, bis baldinski*). Этим подтверждается известная в контактной лингвистике аксиома о значительном перевесе в адстратах имён существительных. В нашем случае значительную их долю образуют *Konkreta (der Apparillo)*, за ними следуют *Nomina qualitatis (der Stolprianus)*, а замыкают иерархию *Singularia (Vatileaks)* и *Pluralia tantum (Ponyoli, Äplermagronen)* в сегментах псевдоитальянизмов и псевдогелльветизмов. Колебания рода отмечены всего лишь у двух единиц общероманского адстрата (*der / das Abee, der / das Sakko*), что говорит о значительной степени ассимиляции прочих апостериорных дериватов в системе современного немецкого литературного языка (Кобенко, Меремкулова, 2018: 64). Глаголы и имена прилагательные разделили срединную позицию с 19 лексическими единицами (10,27%) в каждом грамматическом классе (*elegantissimo; flippern*).

Данные словообразовательного анализа эксплицируют превалирование у апостериорных дериватов лексических способы словообразования (91,89%), ведущим среди которых безоговорочно является суффиксация (69,72%), претендующая, как представляется, на статус языковой универсалии в вопросах апостериорной деривации (ср.: *der Schnurrant, die Friseur, das Outing*). На втором месте – значительно уступающие смешанные способы (5,4%) с моделями антономазии и соположения (*kaputtski, die Crème de la crème*). Наименьшей популярностью пользуются семантические способы апостериорного словообразования (2,7%) с моделями эксемии (*der Kicker*), энсемии (*der Dress*) и антонимии (*der Longseller*).

Как бы странно это ни звучало, немецкая апостериорная деривация по изобретательности опережает собственное английское образование, ср. прецеденты синтаксической адъюнкции «*werde vom Yesbutter zum*

Whynotter!» и детерминативные композиты «*die Wellfit-Bar*» и «*der Neckholder*», отсутствующие в современном английском языке. Немецкий язык и раньше отличался высокой степенью словообразовательного манипулирования заимствованными морфемами, что не раз приводило в его истории к появлению движений радикального пуризма. Отмечаемая сегодня терминологизация словарных составов, отчасти обусловленная спецификой коммуникации *homo digitalis* (Романов, Романова, 2019: 73), приводит к явлению, обозначение которого в языкознании ещё лишь предстоит выработать: английские слова образуются не англичанами, французские не французами и т.д. Это своего рода надстройка апостериорной деривации, способствующая дальнейшему размытию границ между европейскими языками и увеличению индекса их гибридности. Оказиональность, возводимая в норму в условиях децентрализации коммуникации и превращения каждого пользователя в независимое СМИ, обеспечивает прирост неогенных терминоидов с высоким репликативным и выразительным потенциалом (ср. *digistructen, die Babykarotte*), способных преодолевать границы коммуникации и тем самым осуществлять древнюю мечту человечества о безбарьерном общении.

Ссылки – References in Russian

Добровольский, 2013 – *Добровольский Д.О.* Беседы о немецком слове. – М.: Языки славянской культуры, 2013. – 744 с.

Кобенко, 2016 – *Кобенко Ю.В.* Экстралингвистический детерминизм природы псевдозаимствования // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2016, № 1 (11). – С. 29–35.

Кобенко, Меремкулова, 2018 – *Кобенко Ю.В., Меремкулова Т.И.* Галльские заимствования в современном немецком языке: структурно-системные и функционально-динамические особенности. – Томск: Издательский дом Томского государственного университета, 2018. – 211 с.

Нефёдова, 2013 – *Нефёдова Л.А.* Псевдозаимствования в современном немецком языке: проблема презентации в толковом словаре // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* – 2013, № 1 (19). – С. 121–123.

Нефёдова, 2018 – *Нефёдова Л.А.* Иноязычная лексика современного немецкого языка (аспекты культурной интеграции). – Москва: Изд-во Московского педагогического государственного университета, 2018. – 184 с.

Романов, Романова, 2019 – *Романов А.А., Романова Л.А.* Регулятивные маркеры “самофорсажного” поведения Homo Digitalis в сетевой коммуникации // *Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал.* – 2019, № 4. – С. 62–91. Режим доступа: [http:// www. tverlingua.ru](http://www.tverlingua.ru)

References

Dobrovolskiy, D.O. (2013) *Conversations about the German word.* Moscow, Languages of Slavic culture, 744 p. (in Russian and German)

Duden Universalwörterbuch (2001) 4th ed. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1892 p. (in German)

Herberg, D. (2002) Neologisms in the German contemporary language. Problems of their registration and description // *DaF*, No 1, pp. 195–200 (in German)

Kobenko, Yu.V. (2016) The extralinguistic determinism of the nature of pseudoborrowing // *Tomsk journal of linguistic and anthropology*, No 1 (11), pp. 29–35 (in Russian)

Kobenko, Yu.V, Meremkulova, T.I (2016) *Gallic borrowings in modern German: structural-systemic and functional-dynamic features.* Tomsk, Publishing House of Tomsk State University, 211 p. (in Russian)

Nefedova, L.A. (2013) Pseudo-borrowings in modern German: problem of presentation in explanatory dictionary // *Philological sciences. Problems of theory and practice*, No 1 (19), pp. 121–123 (in Russian)

Nefyodova, L.A. (2018) *Foreign vocabulary of the modern German language (aspects of cultural integration)*, Moscow, Publishing House of Moscow State Pedagogical University, 184 p. (in Russian)

Romanov, A.A. Romanova, L.A. (2019) Regulative markers of “auto forsage” Homo Digitalis behavior in network communication [Electronic resource] // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*, No 4. P. 62–91. Access mode: www.tverlingua.ru (in Russian)

Urban Dictionary. Access mode: <https://www.urbandictionary.com>.